

ЗНАНИЕ — СОСТОЯНИЕ ЯЗЫКА — СЛОВАРЬ

Реализуя отражательную функцию, язык выступает «моделью мира» первого порядка. Очевидно, что не существует единых правил отражения, общих для всех языков, т.к. язык — это «зеркало» лишь в переносном смысле: единую объективную реальность каждый язык «интерпретирует» в терминах своей культуры, закрепляя в вербальных номинациях аксиологически обусловленные мотивирующие признаки.

Развитие человеческого познания неизбежно сопровождается развитием языка, повышая уровень его «интеллектуализации». Формирование науки как социального института и ее организационное сопровождение в виде национальных академий вызывает всплеск интереса, прежде всего, к познанию самого языка — «наука (в самом широком смысле) и словари стали прямо сопряженными понятиями в самом процессе создания академий во многих странах» [1, с. 14]. Можно лишь согласиться с выводом Р.А. Будагова о том, что «в XVII–XVIII столетиях словари в Европе в известной мере стали отождествляться с суммой всех знаний той или иной эпохи» [1, с. 15].

Современная высокоразвитая (традиционная) лексикография переживает своеобразный кризис «избыточности»: разнообразие словарной продукции (даже если оставить в стороне проблему ее качества) «размывает» целостность лексической системы, отражая, с одной стороны, ее разнообразие, а с другой, — закрепляя, в первую очередь, лишь одну из форм существования общенационального языка — литературный, кодифицированный язык. Так, говоря о «больших» либо «малых» словарях определенного языка, имеют в виду, прежде всего, общелитературную лексику, отраженную в них, а включение в реестр иных разрядов единиц, в том числе и относимых к литературному языку, например, специальной лексики, вызывает чрезвычайно много споров и

всегда рассматривается как проблема (см., например: «Одним из сложных вопросов лексического состава словарей является вопрос о месте специальной терминологии в общих словарях языка» [4, с. 176]).

Принято считать, что «активная лексика» языка является основным показателем «степени развитости языка», поскольку «в ней, как в зеркале, можно увидеть состояние общества. Так, словарь племенных языков отражал круг понятий, необходимых в соответствующем коллективе. Языки современных цивилизованных наций имеют богатый словарный состав, отражающий достигнутый передовой частью человечества уровень развития промышленности, техники, науки, общественно-политической жизни, культуры и т.д.» [3, с. 37].

Научное лидерство влечет за собой более быстрое наращивание объема знаний и закрепление их в том языке, при помощи которого они впервые были эксплицированы. Современные высокотехнологичные средства коммуникации делают эти знания доступными носителям других языков посредством заимствования их вербализованной формы. Можно сколь угодно долго сокрушаться по поводу экспансии англицизмов в другие национальные языки, но бесспорное лидерство англоязычных стран в области информационных технологий и электронных устройств не только объясняет массовый узус «девайсов» и «гаджетов», но и способствует повышению коммуникативной мощности английского языка, в т.ч. и за счет языков с продолжительной литературно-письменной традицией.

Несмотря на высокую степень идеологизованности советской социолингвистики, все же и в работах того времени отмечается «неравномерность развития терминологии по отдельным отраслям» в различных республиках, которая «находится в прямой связи со специализацией» их в области экономики [3, с.292]. Следовательно, можно априори предположить, что степень отражения специальной лексики в общефилологических словарях различных языков будет разной, а, значит, для словарей не всех языков являются релевантными рекомендации С.И. Ожегова о том, что «решающим моментом для отбора терминов должна быть не важность термина в системе понятий данной науки или отрасли техники, а его общественная роль» [4, с. 178].

Для языков, в которых недостаточно представлены социально значимые терминосистемы и, соответственно, не развита отраслевая терминография, решить эту проблему призваны именно общефилологические словари: «словари общелитературного языка должны с достаточной полнотой и объективностью отразить место специальной терминологии в словарном составе языка» [5, с.267]. Источниками такой терминологии могут служить общие и специальные энциклопедические справочники, которые, к тому же, «должны помочь авторам в определении и толковании терминов» [2, с.137].

В двух основных толковых словарях белорусского языка [6, 7] не приняты дисциплинарные стилистические пометы, поэтому все разряды единиц, относимых составителями словарей к специальной лексике, помечаются недиф-

ференцированной пометой *спец.* Такой способ маркирования не позволяет определить, лексика каких областей знания и сфер человеческой деятельности в них включена. В определенной мере решить эту задачу можно путем анализа комментариев, включенных в толкования отдельных слов с целью указания на сферу употребления: «Без паметы *спец.* падаюцца словы-тэрміны, якія ў складзе дэфініцыі маюць указанне на канкрэтную сферу іх ужывання» [7, т.1, с. 10]; «Сфера ўжывання, якая адначасова служыць і ўдакладненню значэння слова, вызначаецца таксама змяшчэннем перад тлумачэннем рознага роду паяснення» [6, с. 6].

Анализ таких комментариев был проведен с использованием возможностей специально созданного на базе [6, 7] электронного языкового ресурса — лингвистической базы данных «Специальная лексика», отражающей все особенности репрезентации специальных лексем в двух толковых словарях белорусского языка [6, 7]. В [6] было выявлено более 220 различных указаний на сферу употребления лексем, а в [7] — более 310. Количество комментариев не отражает, однако, разнообразия представленных в общефилологических толковых словарях белорусского языка предметных областей, т.к. многие указания можно рассматривать как варианты отсылок к одной и той же предметной области (ср.: *‘у бильярдзе’ / ‘у бильярдной гульні’; ‘у картачнай гульні’ / ‘у картачных гульнях’ / ‘у некаторых картачных гульнях’ / ‘у некаторых складаных картачных гульнях’* и др.), а некоторые — к особенностям коммуникации в определенной профессиональной сфере. Яркими примерами подобных комментариев являются, например, следующие указания: *‘у мове будаўнікоў, партowych грузчыкаў і інш.’ / ‘у мове партowych грузчыкаў, будаўнікоў і інш.’; ‘у мове маракоў’; ‘у мове маракоў і партowych грузчыкаў’; ‘у мове паляўнічых’.*

Не все виды указаний позволяют соотнести специальную лексему с определенной предметной областью, т. к. используются комбинированные комментарии (например, указание вида *‘у матэматыцы, фізіцы, хіміі’*), причем не ясно, идет ли речь о собственно межотраслевых терминах, о полисемичных терминах либо об использовании термина в тождественном значении во всех (в данном примере трех) указанных в комментарии предметных областях.

Наиболее частотным в [6] и вторым по частотности в [7] оказался комментарий *‘у граматыцы’*, первым же по частотности в [7] и вторым в [6] является комментарий *‘у матэматыцы’*. Это, безусловно, свидетельствует о давней традиции в белорусском языке данной предметной терминологии, нашедшей свое место не только в соответствующих терминосистемах, но и в общелитературном языке. Особенно показательным в этом плане является использование комментария *‘у граматыцы’* на фоне наличия в обоих словарях более общих помет *‘у лінгвістыцы’ / ‘у мовазнаўстве’*.

Сопоставление комментариев, содержащих указание на сферу употребления в толкованиях специальных лексем, с основными предметными «делениями» Универсальной десятичной классификации (УДК), позволило выделить области, не нашедшие прямой идентификации в толковых словарях белорус-

ского языка, несмотря на их очевидную социокультурную значимость. Так, например, в [6] и [7] не идентифицированы такие предметные области, обозначенные в основных таблицах УДК, как: «Системы письма и письменности. Знаки и символы. Семiotика в целом. Коды. Графическое представление мысли»; «Управление. Менеджмент»; «Стандартизация продукции, процессов, мер, весов и времени. Стандарты. Технические требования. Нормы и правила. Рекомендации»; «Деятельность и организация. Общая теория связи и управления (кибернетика)»; «Цивилизация. Культура. Прогресс»; «Химическая технология. Химическая промышленность. Родственные отрасли» (отметим, что класс «Химия. Кристаллография. Минералогия» представлен лишь одним комментарием *'у хімії'*, который встретился 11 раз в [7] и 6 — в [6] (в [7] один раз встретился также комментарий *'у алхімікаў'*)).

Несмотря на то, что общий раздел УДК «Религия. Богословие» представлен пятью вариантами указаний (*'у некоторых рэлігіях'*, *'у рэлігійна-містичных уяўленнях'*, *'у рэлігійным вучэнні'*, *'у рэлігійных уяўленнях'*, *'у рэлігіі'*), ни в [6], ни в [7] не идентифицирован ряд религий, таких, например, как: «Религии Дальнего Востока»; «Религии индийского субконтинента. Индуистская религия в широком смысле»; «Буддизм»; «Современные духовные течения». В то же время, такие области, как «Религии античности. Второстепенные культы» и «Христианство», представлены достаточно хорошо. Так, в рамках сферы «Христианство», помимо общих указаний (варианты: *'у хрысціянстве'*, *'у хрысціянскай рэлігіі'*, *'у хрысціянскай царкве'*, *'у хрысціянскім кульце'*), употребляются и более-менее конкретные (*'у праваслаўнай і каталіцкай царкве'*; *'у каталіцкай і англіканскай царкве'* / *'у каталіцкай і англіканскай царквах'* — оба варианта встречаются в [7]; *'у каталіцкай і некаторых пратэстанцкіх царквах'* — встречается в [6]; *'у праваслаўі'*, *'у праваслаўнай царкве'*; *'у каталіцкай царкве'*; *'у пратэстанцкай царкве'*). Области «Донисторические и примитивные религии», «Иудаизм» и «Ислам» представлены небольшим количеством видов комментариев. Так, указания на сферу употребления *'у старажытных рэлігіях'* і *'у іўдзейскай рэлігіі'* встретились по одному разу в [6], а указание *'у рэлігійным уяўленні мусульман'* — один раз в [7].

Важность отражения в общефилологических словарях специальной лексики имеет еще один аспект, обусловленный необходимостью представления знаний в интеллектуальных системах и неразрывно связанный с развитием компьютерной лексикографии, особенно той ее части, которая отвечает за разработку машинных словарей (лексиконов), составляющих, по сути дела, ядро лингвистического обеспечения любой системы, «обрабатывающей» текст, — от поисковых машин, осуществляющих поиск в Интернете по запросам пользователей, до самых сложных систем искусственного интеллекта.

Непреодолимую ценность имеет задача отражения в общефилологических словарях оригинального этнического знания, нашедшего закрепление в аутентичных формах фольклора и играющего особую роль в условиях необходимости конструирования национальных терминологий при гармонизации терминосистем в предметных областях, имеющих международную значимость.

Наконец, все вышеизложенное неразрывно связано с актуальной задачей сохранения культурно-языкового разнообразия, определенной ЮНЕСКО в качестве одной из важнейших задач при переходе от информационного общества к обществу знания.

ЛИТЕРАТУРА

1. Будагов, Р.А. Толковые словари в национальной культуре народов. — М., 2006.
2. Герд, А.С. Специальные словари и их источники / Современная русская лексикография 1981. — Л., 1983. — С. 136–143.
3. Исаев, М.И. Языковое строительство в СССР (процессы создания письменностей народов СССР). — М., 1979.
4. Ожегов, С.И. О трех типах толковых словарей современного русского языка / Ожегов С.И. Лексикология. Лексикография. Культура речи. — М. — С. 158–182.
5. Сороколетов, Ф.П. Терминология и лексикография / Сороколетов Ф.П. Избранные труды. — СПб., 2011. — С. 267–273.
6. Тлумачальны слоўнік беларускай літаратурнай мовы: пад рэд. М.Р. Судніка, М.Н. Крыўко. — Мінск, 1996.
7. Тлумачальны слоўнік беларускай мовы / пад аг. рэд. К.К. Атраховіча. — Т. 1–5. — Мінск, 1977–1984.